

На правах рукописи

Зубченко Виолетта Вадимовна

**ЗООМОРФНЫЕ КОМПОНЕНТЫ В ТЕКСТАХ БАСЕН И ЭПИГРАММ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ XX ВЕКА)**

10.02.01 – Русский язык

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Краснодар – 2022

Работа выполнена на кафедре современного русского языка ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой современного русского языка ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» **Исаева Лидия Алексеевна.**

Официальные оппоненты:

- доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и речевой коммуникации ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина» **Федотова Татьяна Васильевна;**

- доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой немецкой филологии ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» **Хачмафова Зайнета Руслановна.**

Ведущая организация: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «**Южный федеральный университет**».

Защита диссертации состоится 7 июня 2022 года в 9.30 на заседании диссертационного совета Д 212.101.19 на базе ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» по адресу: 350040 г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, ауд. 231.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» и на официальном сайте: <http://docspace.kubsu.ru/docspace/handle/1/1545>

Автореферат разослан «   » мая 2022 года

И. о. учёного секретаря

Зиньковская А.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Смеховые художественные тексты, представляющие обличительно-сатирическое направление в литературе, словесно изображают в комической манере отрицательные стороны действительности и вскрывают человеческие пороки. Писатели при помощи таких текстов создают особую «смеховую» языковую картину мира, нацеленную на то, чтобы методом «от противного» оттенять положительные явления жизни и утверждать истинные ценности. Эта смеховая языковая картина мира состоит из множества взаимосвязанных лингвокультурных фрагментов, одним из которых являются зооморфные образы. В настоящей работе рассматриваются зооморфизмы как элемент сатирико-юмористического дискурса и «смеховой» языковой картины мира – части национальной языковой картины мира.

Центральными в предлагаемой работе являются следующие базовые понятия языкознания: языковая картина мира, смеховая картина мира, дискурс, смеховой дискурс, сатирический дискурс, юмористический дискурс, зооним, зооморфизм и зооморфный компонент, которые классифицируются учёными по-разному.

Актуальность темы исследования. Проблема отображения смехового дискурса в языковой картине мира до настоящего времени не была изучена в полном объёме и остаётся актуальной для антропоцентрических направлений современного языкознания. Изучение семантико-прагматической роли зооморфизмов в текстах басен и эпиграмм XX века требует детального анализа их текстовых употреблений, а выявление единиц зооморфной лексики, наиболее значимых в текстах этих жанров, позволяет дополнить языковую картину данной эпохи.

Степень разработанности проблемы. Слова, именующие животных (зоонимы), в своих прямых и переносных лексических значениях (зоонимические характеристики, зоометафоры), а также в текстовых употреблениях, наделяющих образ животного чертами человека (зооморфизмы, зооморфные образы), не раз становились объектом лингвистических исследований (О.А. Рыжкина, 1979; Т.В. Писанова, 1989; Тон Куанг Кыонг, 1997; Т.В. Шведчикова, 1998; А.А. Киприянова, 1999; С.В. Свионтковская, 2000; И.В. Холманских, 2000; И.А. Курбанов, 2000; Ц.Ц. Огдонова, 2000; Н.В. Солнцева, 2004; И. Устуньер, 2004; Н.В. Землякова, 2005; А.А. Шарова, 2010; Р.А. Карам, 2010; Е.В. Дерюгина, 2011; О. Бичер, 2016; Ф.Ш. Бекмурзаева, 2021; Е.В. Болгова, 2021 и др.). Интерес исследователей к этой группе лексики объясняется универсальностью и вместе с тем национальным своеобразием

зооморфизмов, их особой выразительностью и эмоциональной оценочностью.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нём зооморфные образы впервые рассматриваются с позиции их семантико-прагматических реализаций в смеховом дискурсе предсовременного исторического периода, а именно в текстах басен и эпиграмм XX века. В диссертации раскрыт функционально-прагматический потенциал ключевых единиц, репрезентирующих образы животных, и определены механизмы формирования семантики зооморфизмов в сатирических текстах названного периода.

Материалом исследования являются зооморфные единицы, функционирующие в текстах басен и эпиграмм писателей XX века. Общее количество рассмотренных текстов составляет 1010 (680 басен и 330 эпиграмм), в них отмечено 1790 случаев употребления зооморфной лексики (в баснях – 1450, в эпиграммах – 340), проанализировано более 500 контекстов.

Источниками материала послужили тексты басен и эпиграмм, взятые из следующих сборников: **басни** – Д. Бедный «Избранные басни» (1926), «Сто басен» (1935), «Избранные басни и стихотворения» (1935), «Басни и сказки» (1945), «Избранные произведения» (1985), И. Батрак «Обручи и клепки» (1926), «По следам жизни» (1935), «Избранное: стихи и басни» (1958), «Басни народов Советского Союза» (1959), Н. Альтшуллер «Хоть верьте, хоть не верьте» (1960), «Мормышка» (1968), Е.И. Аникеев «Холодный душ» (1976), «Ход конём» (1982), «Тихая заводь» (1988), С.В. Смирнов «Сатирички. Сатира и юмор» (1979), Е.М. Афанасьев «Барсучья мозоль» (1980), Б.Н. Брайнин «Прошу высечь» (1983), С.В. Михалков «Басни» (1984), В.Ф. Матвеев «Озорная перемена» (1985) и журнал «Зритель» (1905); **эпиграммы** – С.В. Смирнов «Добро пожаловать. Пародии, шаржи, эпиграммы» (1962), И.И. Игин, А.Я. Рейжевский «В дружеском ключе» (1964), А.А. Иванов, А.Б. Раскин «Это Я?.. Шаржи – Кукрыниксы. А. Раскин – эпиграммы» (1968), А.Я. Рейжевский «...О двух концах» (1969), В.Н. Суслов «Лично известны» (1986), А.Я. Рейжевский «Из записных книжек: эпиграммы и миниатюры разных лет» (1986), А.Г. Архангельский «Пародии. Эпиграммы» (1988), С.Я. Маршак «Лирические эпиграммы» (1970), А.А. Иванов «Птичку жалко» (2000), «Русская эпиграмма» (2000, 2005), «Двадцатый век в эпиграммах от А до Я» (2002), «Антология Сатиры и Юмора XX века» (2005) и журналы «Весёлый листок» (1947, №1), «Крокодил» (1984, №18); **басни и эпиграммы** – А.Б. Раскин «Очерки и почерки» (1959), Н.И. Полотай «Бурьян с корнем

вырывать» (1977), Б.Н. Брайнин «Прошу высечь» (1983), С.Е. Ванетик «Крутой диалог» (1999), «"Крокодил" всех времён и народов» (2007).

Обоснованность и достоверность результатов исследования обуславливаются собранным и проанализированным материалом, который, как было сказано, включает более тысячи текстов басен и эпиграмм XX века, содержащих зооморфную лексику. При первичном анализе материала использовались данные лексикографических источников, в частности толковых и фразеологических словарей. Для описания собирательных лингвокультурных зооморфных образов привлекались наиболее авторитетные словари, представляющие лексику русского языка как систему, дающие в словарных статьях необходимые стилистические пометы и отражающие переносные значения слов, а также словари, фиксирующие устойчивые словосочетания и пословичные речения с зооморфными образами, сборники устойчивых народных сравнений. Кроме того, были задействованы лингвокультурологические словари, в которых отражено традиционное отношение носителей языка к описываемым зооморфным образам. Использовались также сборники мифологии и русских народных сказок.

Объектом исследования послужили контексты из басен и эпиграмм писателей XX века, в которых содержатся зооморфные образы.

Предметом исследования явились контекстная семантика и функционально-прагматические особенности зооморфизмов в текстах басен и эпиграмм сатириков XX века.

Цель исследования заключается в выявлении семантических и прагматических особенностей зооморфной лексики, функционирующей в баснях и эпиграммах XX века, и в определении её роли в формировании сатирико-юмористического литературного дискурса этого периода и национальной языковой картины мира.

Заявленная цель предопределила постановку и решение следующих **задач**:

1) описать и уточнить следующие понятия: «языковая картина мира», «концептуальная картина мира», «фольклорная картина мира», «комическая картина мира» и «смеховая картина мира»; «дискурс», «смеховой дискурс», «сатирический дискурс» и «юмористический дискурс»; «зооним», «зооморфизм», «зооморфный образ» и «зооморфный компонент»;

2) определить место и роль смехового дискурса, а именно басен и эпиграмм XX века, в формировании смеховой языковой картины мира;

3) выявить семантические и функционально-прагматические особенности наиболее частотных зооморфных образов в текстах басен

(собака, волк, медведь, лиса и заяц) и эпиграмм (собака, конь/лошадь, лев, волк и змея) XX века разных авторов;

4) на основании выбранной методики исследования рассмотреть отобранные зооморфизмы путём соотнесения их индивидуально-авторских (текстовых) реализаций с интерпретациями в традиционных культурных источниках;

5) охарактеризовать лингвокультурную специфику зооморфизмов как элемента национальной языковой картины мира.

Для достижения цели и решения поставленных задач в работе предлагается собственная методика анализа текстового материала: выделяются наиболее частотные зооморфные образы, наименования которых, в первую очередь, верифицируются по толковым словарям и словарям устойчивых речений; затем для выявления новых смысловых элементов, относящихся к характеристике человека, изучается описание выбранных зооморфизмов в лингвокультурных словарях и справочниках, в мифологии, а также в фольклорных текстах (русских народных сказках). Такой подход даёт возможность с наибольшей полнотой осветить общекультурную и индивидуально-авторскую семантику зооморфных образов, которые используются в баснях и эпиграммах XX века.

Исследовательская гипотеза состоит в признании зооморфных единиц, обладающих образностью, оценочностью (эмоциональной и/или социальной) и экспрессивностью, активным прагматическим средством в изобразительном арсенале сатирического дискурса XX века: как и в традиционной русской сатире, в зооморфных образах даются метафорические характеристики личности, преимущественно по негативным качествам, при этом в рассматриваемый период текстовая семантика зооморфизмов насыщается новыми смыслами, что позволяет считать эти единицы значимым фрагментом национальной языковой картины мира в её карикатурно-смеховой составляющей.

Методологической, теоретической и эмпирической основой исследования явились научные труды ведущих учёных, посвящённые проблемным лингвистическим объектам:

– когнитивной базе текстового пространства (Й.Л. Вайсгербер, В. фон Гумбольдт, Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова и др.);

– лингвокультурным аспектам бытования языка (Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, В.А. Маслова, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия и т.д.);

– категории интертекстуальности, отражающей диалогическое взаимодействие текстов (Р. Барт, М.М. Бахтин, Ю.С. Степанов и др.);

– дискурсу, представляющему текст в действенном ракурсе (Н.Д. Арутюнова, А.Н. Войткова, С.А. Громыко, Т.М. Грушевская, Е.К. Гурова, Т.А. ван Дейк, М.Р. Желтухина, Л.А. Исаева, В.И. Карасик, А.А. Кибрик, О.Л. Михалёва, Т.Г. Скребцова и проч.);

– языковой картине мира как форме мировидения, отражённого в языке (Ю.Д. Апресян, Т.В. Булыгина, В.В. Верещагин, А.А. Зализняк, О.А. Корнилов, Н.И. Костомаров, И.Б. Левонтина, М.В. Пименова, В.И. Постовалова, А.А. Потехня, Ю.С. Степанов, А.Д. Шмелёв, Н.Н. Шпильная, Е.С. Яковлева и др.);

– комическому и его проявлению (М.М. Бахтин, В.Г. Белинский, Ю.Б. Борев, И.В. Виноградова, А.З. Вулис, Б. Дземидок, Н.А. Добролюбов, Л.Ф. Ершов, А.Н. Лук, Д.П. Николаев, Е.К. Озмитель, В.Я. Пропп, В.З. Санников, П.И. Ткачёв, Н.Г. Чернышевский, Я.Е. Эльсберг и т.п.);

– зооморфизмам, являющимся метафорическими характеристиками свойств человека (О. Бичер, Е.В. Болгова, Н.В. Землякова, А.А. Киприянова, О.В. Кондрашова, Тон Куанг Кыонг, Ц.Ц. Огдонова, О.А. Рыжкина, С.В. Свионтковская, Н.В. Солнцева, И. Устуньер, И.В. Холманских и др.);

– басням и эпиграммам как смеховым текстам (Ю.В. Воложанина, С.У. Керимова, О.Б. Кушлина, И.С. Леонов, С.С. Микова, А.В. Несмеянов, А.А. Потехня, А.О. Путило, А.А. Рыбакова, В.А. Тихомирова, В.А. Шипилов, Ю.В. Щурина и т.д.).

Теоретическую значимость работы определяет то, что проведённый анализ текстового материала расширяет представление о роли зооморфных образов в русской языковой картине мира. В диссертации создаётся база для дальнейшего изучения зооморфных единиц в сатирических текстах других жанров и иных исторических периодов. Кроме того, проделанный лингвистический анализ басенных и эпиграммных текстов может явиться основой для доказательной филологической характеристики этих произведений.

Практическая ценность исследования обусловлена возможностью использования полученных результатов при чтении вузовских лекций и проведении семинарских занятий по курсам современного русского языка, стилистики, риторики, когнитивной лингвистики и лингвокультурологии; в организации спецкурсов и спецсеминаров по семантике и прагматике, филологическому анализу текста; в преподавании русского языка как иностранного; при подготовке дипломных и курсовых работ; в лексикографической деятельности, в частности при подготовке словаря зооморфных образов в русской смеховой картине мира. Отдельные

положения и выводы данной работы могут быть полезны в журналистской практике.

В качестве справочных лексикографических источников работы привлекались следующие словари: «Словарь русского языка» в 4-х томах (А.П. Евгеньева); «Большой толковый словарь русского языка» (С.А. Кузнецов); «Новый словарь русского языка» (Т.Ф. Ефремова); «Толковый словарь современного русского языка» (Д.Н. Ушаков); «Лингвокультурологический словарь» (И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудков); «Фразеологический словарь русского литературного языка» (А.И. Фёдоров); «Большой словарь русских народных сравнений» (В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитина) и др.

В работе использованы следующие **методы и исследовательские приёмы**: *метод наблюдения* (для выявления зооморфных образов в текстах басен и эпиграмм исследуемого периода); *метод семантического анализа* (при изучении словарной и текстовой семантики зооморфизмов); *интерпретационный метод* (при характеристике семантических и прагматических особенностей использования наименований животных в смеховых текстах, включающих зооморфные образы); *метод сопоставления* (для обнаружения авторских особенностей семантической интерпретации определённого зооморфизма); *метод обобщения* (при воссоздании того или иного собирательного зооморфного образа в русской языковой картине мира); *описательный метод* (для изложения результатов исследования); *метод контент-анализа* (для установления образно-ассоциативных смыслов, содержащихся в зооморфизмах).

Положения, выносимые на защиту:

1. В национальной языковой картине мира, которая в значительной своей части формируется смеховым дискурсом, зооморфные компоненты сатирических текстов играют существенную смысло- и образформирующую роль. Лингвокультурная значимость зооморфизмов может быть выявлена путём соотнесения их индивидуально-авторских (текстовых) реализаций с интерпретациями в традиционных культурных источниках.

2. Смеховой текст отражает ситуации или объекты, ставшие предметом насмешки автора и призванные вызвать у читателя смеховую реакцию. Смеховой дискурс с включёнными в него текстами – это фрагмент культуры, меняющийся в разные эпохи и неодинаковый у разных народов. Тексты такого вида отражают менталитет и национальную культуру носителей языка.

3. Зооморфизмы в русской басне XX века демонстрируют определённую иерархию, наиболее частотными среди них являются образы

собаки, волка, медведя лисы и зайца, которые развивают новую контекстуальную семантику (*собака* – сторож, *волк* – премьер-министр, *медведь* – начальник, *лиса* – корреспондент, *заяц* – секретарь), сохраняя при этом традиционные смыслы (*лиса* – хитрость, *волк* – кровожадность, *заяц* – трусость); совокупное общеизвестное и индивидуально-авторское «прочтение» образов этих животных дополняет их национально-культурную семантику, отражённую в языковой картине мира.

4. Зооморфные компоненты в русской эпиграмме XX века встречаются значительно реже, чем в баснях данного периода (330 против 680 текстов), и они более персонифицированы и индивидуализированы. Наиболее частотными в эпиграммах являются образы *собаки, коня/лошади, льва, волка и змеи*. Их семантические характеристики и прагматические функции, в отличие от басен, фрагментарны и ассоциативны, они нередко создаются посредством языковой игры (ассоциации по созвучию зоонима с личным именем адресата, по внешнему облику, по характерным чертам поведения и проч.), что объясняется жанровыми особенностями эпиграмм: требующие максимально краткой формы изложения, они нередко передают авторскую интенцию при помощи намёков.

5. Зооморфные образы в рассмотренных баснях XX века репрезентируют языковые формы, среди которых наиболее информативными являются следующие: синонимичные ряды / частные названия животных (*шавка, пёс, щенок / волк, волчонок, волчище*); имена собственные / клички (*Полкан, Анфиса, Топтыгин*); наименования породы (*бульдог, овчарка, болонка*); обозначения социального статуса, должности персонажей (*сторож, ревизор, начальник, секретарь*); именованья по принадлежности к общественно-политическому течению (*либерал, революционер, оппозиционер*); прилагательные или субстантивы, характеризующие животных по характерному внешнему признаку, например по масти (*серый, рыжая*); соматизмы (*пасть, лапа, хвост*); слова, в семантической структуре которых содержится зооморфный компонент (*лаять, выть, по-щенячьи*); относящиеся к зооморфизмам устойчивые словосочетания и сравнительные обороты (*вилять хвостом, рыльце в пушку, как кошка с собакой*); прецедентные имена (*Моська*) и др.

6. Зооморфные образы в эпиграммах рассматриваемого периода реализуют следующие репрезентанты: синонимичные ряды / частные названия животных (*конь, лошадь, мерин / волк, волчонок, волчища*); наименования породы (*бульдог, пудель, фокстерьер*); прилагательные, обычно употребляемые для характеристики животного по отличительным признакам (*густопсов, чистопороден*); соматизмы (*лапа, хвост*); слова,

называющие место обитания животных (*псарня, конюшня*); слова, в семантической структуре которых содержится зооморфный компонент (*шипеть, рычать, по-собачьи*); относящиеся к зооморфизмам устойчивые словосочетания и сравнительные обороты (*тroyанский конь, морской волк, съел собаку, как бульдог*); клички животного, отсылающие к прецедентному тексту (*Бим, Муму*) либо пародирование клички животного (*Облай Облаич*) и т.д.

7. Зооморфизмы в смеховых текстах рассматриваемого периода реализуют разные прагматические функции, зависящие от целеполагания жанра: в баснях они выполняют в первую очередь социально-обличительную функцию, а в эпиграммах передают целый спектр смеховых оттенков личностного отношения автора к объекту изображения (юмор, ирония, издёвка, сарказм и т.д.).

Апробация работы. Основные положения диссертационной работы были изложены автором на конференциях различного уровня. На международных научно-практических конференциях: «Проблемы филологии, культурологии и искусствоведения в свете современных исследований» (Махачкала, 18 октября 2015 г.); «Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире» (Санкт-Петербург, 15 декабря 2015 г.); «Актуальные вопросы филологических исследований» (Краснодар, 26 октября 2016 г.), «Высокие интеллектуальные технологии в науке и образовании» (Санкт-Петербург, 22 марта 2017 г.); «Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики» (Краснодар, 28 апреля 2016 г., 26 мая 2017 г., 24 мая 2018 г.); «Вопросы современных научных исследований» (Омск, 19 октября 2018 г.); «Интеграционные процессы современной научной мысли» (Казань, 30 августа 2018 г., 31 августа 2019 г.) «Континуальность и дискретность в языке и речи» (Краснодар, 18 ноября 2021 г.); на международных научных конференциях: «The Strategies of Modern Science Development» in the section «Philology» (США, Чарлстон (Южная Каролина), 24 октября 2018 г.); «Актуальные проблемы филологии и дидактики: междисциплинарный подход в гуманитарных и социальных науках» (Душанбе, 26 декабря 2018 г.).

Автор является призёром научно-практической конференции-конкурса «Интеграционные процессы современной научной мысли» с присуждением третьего места в номинации «Лучшее научное решение» за конкурсную работу «Изменения оценочной экспрессии в эпиграммах советской эпохи» (Казань, 30 августа 2018 г.) и призёром научно-практической конференции-конкурса «Интеграционные процессы современной научной мысли» с присуждением третьего места в номинации «Креативность научного

обоснования» за конкурсную работу «Особенности советского сатирического дискурса (на примере басен и эпиграмм 20-30-ых годов XX века)» (Казань, 31 августа 2019 г.). Также автор награждён дипломом лауреата за высокий уровень практико-ориентированной деятельности, продемонстрированный в рамках Международного конкурса «Научная перспектива – 2020» в конкурсной работе «Семантика зоонимов в русских баснях и эпиграммах советского периода» (Казань, 29 августа 2020 г.).

По теме научно-квалификационной работы опубликовано 17 научных статей, в том числе 4 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ («Казанская наука», Казань, ноябрь 2020 г., №11; март 2021 г., №3; «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики». Серия: Гуманитарные науки, Москва, декабрь 2020 г., №12-3; «Вестник Российского нового университета». Серия: Человек в современном мире, Москва, выпуск №2, 2021 г.); одна статья опубликована в сборнике Web of Science («Topical Problems of Philology and Didactics: Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences», Душанбе, 2019 г.); 11 статей в сборниках, входящих в базу РИНЦ, и в одном иностранном сборнике.

Структура и объём диссертационной работы определяются логикой поэтапного решения поставленных задач в соответствии с целью работы. Диссертация состоит из введения, трёх глав с выводами к каждой из них, заключения, списка использованной литературы и приложений. В основной части работы приводится 27 таблиц. Общий объём работы составляет 339 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность темы исследования, определяются объект, предмет и материал исследования, формируются цель и задачи, раскрываются новизна, теоретическая и практическая значимость, указываются используемые в работе методы, выдвигается гипотеза исследования, излагаются выносимые на защиту положения, представлена апробация работы.

Глава 1 «Смеховой дискурс и его роль в формировании языковой картины мира» состоит из трёх параграфов, второй из которых подразделяется на три пункта. В ней рассматриваются значимые для данной работы понятия: «языковая картина мира», «смеховая картина мира», «дискурс», «смеховой дискурс», «сатирический дискурс», «юмористический дискурс», «зооним», «зооморфизм», «зооморфный образ» и «зооморфный компонент».

В параграфе 1.1 «Языковая картина мира: типология и актуальный состав понятия» описаны основные ключевые теоретические аспекты исследования языковой картины мира и дискурса, лежащие в основе работы.

Современные исследования ЯКМ ведутся в двух направлениях: первое предполагает системный семантический анализ лексики определённого языка, при котором производится реконструкция общей системы представлений, отражённой в данном языке, безотносительно к тому, является она специфичной для данного языка или универсальной (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, В.А. Маслова и др.); во втором направлении исследуются отдельные лингвоспецифичные концепты, которые считаются ключевыми для данной культуры, а слова, их репрезентирующие, трудно переводятся или вовсе не переводятся на другие языки (А. Вежбицкая, М.В. Пименова, А.Д. Шмелёв, Е.С. Яковлева и др.). В настоящем исследовании представлена попытка сочетания двух названных аспектов: зооморфизмы рассматриваются в контексте общеязыковых значений зоонимов, народных представлений о зооморфных образах и авторских интерпретаций этих зооморфизмов в таких популярных сатирических жанрах, как басня и эпиграмма.

Под языковой картиной мира, вслед за ведущими лингвокультурологами, мы понимаем совокупное по своей природе материально-идеальное образование, содержащее выраженные средствами национального языка впечатления, представления и знания о мире, которые принадлежат как всем носителям языка (общенародная ЯКМ, отражённая в словарях, энциклопедиях, различного рода текстах), так и отдельным представителям языкового сообщества (индивидуальные ЯКМ, запечатлённые в языковой деятельности отдельных личностей).

Областью ЯКМ, имеющей непосредственное отношение к исследуемому в данной работе материалу, является смеховая картина мира, которая отражает общий «несерьёзный» взгляд на действительность. Поясним, что этот термин является условным, и в разных работах он может варьироваться: *комическая* картина мира (Попченко, 2005), *ироническая* (Палкевич, 2003), *смеховая* (Слышкин, 2007), *сатирическая* (Истомина, 2008). В данном исследовании описаны различные «смеховые дискурсы», сущность и виды которых рассмотрены в параграфе 1.2 и его пунктах.

В параграфе 1.2 «Смеховой дискурс и его разновидности в XX веке» рассмотрена природа смеха, а также теоретические основы и подходы к изучению смехового дискурса. В работах многих учёных XX века смех и комическое изучаются как неотъемлемая часть эстетического восприятия мира человеческим сознанием (М.М. Бахтин, А.З. Вулис, Л.В. Карасёв,

Ю.Б. Борев, Б. Дземидок, С.Н. Тяпков, А.Н. Лук, Я.Е. Эльсберг, Д.П. Николаев, П.И. Ткачѳв, Е.К. Озмитель, В.Я. Пропп и т.д.). Все перечисленные исследователи были единодушны в признании комического одной из самых сложных и разноплановых категорий эстетики.

По мнению большинства исследователей комическое основано на ощущаемой нами внутренней противоречивости явления, на несоответствии его внешних и внутренних возможностей. В частности, смех может быть вызван несоответствием формы и содержания явления, что разоблачает его внутреннюю неполноценность.

В связи с тем что оптимальным средством выражения комического являются вербальные тексты, в свете задач данного исследования были рассмотрены понятия «текст» и «дискурс», а также «смеховой текст» и «смеховой дискурс».

Термин «дискурс» по-разному интерпретируется авторами и применяется к продуктам речевой деятельности в самых разных коммуникативных сферах (см., например, исследования, посвящённые художественному дискурсу – Н.В. Фѳдорова, 2004, Н.А. Фатеева, 2017; политическому – Т.М. Грушевская, 2002, С.А. Громыко; медицинскому – М.И. Акаева, 2007; смеховому – Г.Г. Слышкин, 2004; комическому – А.Н. Войткова, 2010; сатирическому – Е.К. Гурова, 2000; юмористическому – В.И. Карасик, 2002 и др.).

Дискурс как реализованный текст существует одновременно в языке и жизни, напрямую взаимодействуя с ними. Он отражает сознание народа, его традиции и ценности, а также всё многообразие породившей его исторической эпохи, её культурного развития и социальных особенностей. По отношению к картине мира дискурс выступает как материальный реализатор этой ментальной сущности, как её воплощение.

Термин «смеховой дискурс» понимается нами как дискурс, в котором текст отражает ситуацию или объект, ставшие предметом насмешки автора и призванные вызывать у читателя смеховую реакцию. Поскольку смеховой дискурс эмоционально разнообразен, он содержит многочисленные разновидности смеха (сатиру, юмор, иронию, сарказм и т.д.). В качестве жанровых форм реализации смехового дискурса в данной работе рассматриваются басня и эпиграмма XX века.

Сатира дефинируется как комическое, имеющее ярко выраженную критическую направленность на негативные явления действительности. Сатирический дискурс, являясь неотъемлемой составляющей национальной смеховой картины мира, высмеивает и бичует общественный строй, его пережитки. Сатирический дискурс – это тот смеховой дискурс, который

включает в себя текст, где объект, изображённый в общественно значимой ситуации, становится предметом жёсткой, обличительной насмешки, и цель автора текста состоит в том, чтобы вызвать у читателя смеховую реакцию. В данном исследовании термин «смеховой дискурс» используется нами как обобщающий, а сатирический и юмористический дискурсы как частные понятия.

В юмористических текстах объект осмеяния не подвергается жесткой критике, их авторы стремятся вызвать, в первую очередь, добродушный смех у читателей. Под юмористическим дискурсом в настоящей работе понимаем разновидность смехового дискурса, включающего в себя текст, в котором автор выражает в целом шутливо-положительное отношение к объекту осмеяния, причём мотивом для такого смеха служит игровое, часто спонтанное речевое действие.

Схематически соотнесение смехового дискурса и смежных с ним комических дискурсов – сатирического, юмористического, иронического, саркастического – может быть представлено в виде налагающихся кругов, причём виды комического дискурса пересекаются между собой, поскольку они взаимообусловлены. На схеме большой круг условно обозначает смеховой дискурс, средний – комический дискурс, а малые круги внутри него – сатирический, юмористический, иронический и саркастический дискурсы.

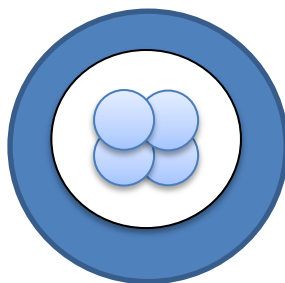

Схема 1. Виды смехового дискурса

Представляется, что тексты таких смеховых жанров, как басня и эпиграмма, следует отнести к текстам-репрезентантам смеховой картины мира, хотя и к разным типам комического, включающего и меткую сатиру, и дружелюбный юмор, и колкую иронию, и язвительный сарказм и т.д. При этом тексты басен, как правило, воплощают социально-сатирическое отношение автора к подвергающимся осмеянию явлениям действительности, в то время как в эпиграммах изучаемого периода чаще наблюдается индивидуально-юмористический вид комического.

Басни XX века наполнены актуальным для своего времени конкретным общественным и бытовым содержанием, при этом основные жанровые особенности (иносказательность, аллегорическая обобщённость образов и

сюжетная новеллистичность повествования), свойственные басне, были сохранены. Басенный текст, по нашему мнению, относится к собственно-сатирическому жанру и представляет собой аллегорический сказ с нравоучительным сюжетом, который обличает человеческие пороки и недостатки общества. Басня описывает как типичные ситуации, которые могут происходить с людьми вне зависимости от времени, так и события, привязанные к определенному периоду истории общества, т.е. этот жанр всегда остаётся актуальным.

Характеризуя эпиграммы, имеем в виду, что они представляют собой индивидуально ориентированные произведения. По нашему мнению, эпиграмма – короткое произведение, направленное на выявление смешных черт конкретных лиц или событий, дающее им оценочную характеристику, способную выражать широкий спектр эмоций: от мягкой добродушной шутки, до едкой иронии, даже сарказма. Рифмическая организация текста служит средством создания смехового эффекта, для полного выявления которого используются различные приёмы, такие как сравнение, метафора, олицетворение, игра слов, аббревиация, созвучие, паронимия и др.

Чёткую дифференциацию между подтипами смехового дискурса (юмористический и сатирический) провести достаточно сложно. Именно поэтому проанализированные нами эпиграммы в большинстве своём демонстрируют не обличительную (сатирическую) смеховую прагматику, а скорее мягкую, юмористическую. Поскольку подтексты эпиграмм имплицитны, интерпретация их субъективная и авторские намерения в них трудно трактовать, особенно без учёта внетекстовых информативных структур (отношения между автором и объектом, конкретная цель написания эпиграммы, условия произнесения и т.д.). Поэтому мы исходим из того, что эпиграмма может быть текстом, относящимся как к сатирическому, так и к юмористическому дискурсу, т.е. входить в общий смеховой дискурс.

Параграф 1.3 «Зооморфные компоненты как элемент языковой картины мира и смехового дискурса» посвящён изучению зооморфизмов, которые рассматриваются нами как механизм переноса наименований животных на человека. На разных этапах развития лингвистической науки использование зооморфной лексики в текстах различных языков изучалось в работах следующих исследователей: О.А. Рыжкина, 1979; Тон Куанг Кыонг, 1997; А.А. Киприянова, 1999; С.В. Свионтковская, 2000; Ц.Ц. Огдонова, 2000; Н.В. Солнцева, 2004; Р.А. Карам, 2000; О. Бичер, 2016; Е.В. Болгова, 2021 и др. В современной лингвистике существует целый ряд терминов для обозначения наименований животных в разных их значениях – «зооним», «зооморфизм», «зооморфная метафора», «зоолексика», «зоологизм»,

«зоосемизм», «зоокомполит» и т.д. В данной работе при описании предмета исследования дифференцированно используются соотносительные термины «зооним», «зооморфизм» «зооморфный образ» и «зооморфный компонент».

В современных толковых словарях наименования многих животных представлены как многозначные, имеющие производные переносные значения, предназначенные для характеристики человека (зоонимы). Термин «зооморфизм» используется нами для метафорических обозначений человека посредством лексических единиц с животной семантикой. Лингвокультурологическая роль зооморфизмов в формировании языковой картины мира определенного социума заключается в том, что, составляя значительный пласт оценочной лексики любого языка, они отражают особенности разных систем ценностей, значимых для определённого национально-культурного коллектива. Семантические особенности делают зооморфизмы благодатным материалом для сатирической и юмористической литературы, в частности, для басен и эпиграмм.

Следует отметить, что, помимо собственно зоонимов (наименований животных), а иногда и при их отсутствии, в создании зооморфных образов в сатирических текстах участвуют глаголы с зооморфным компонентом: *щебетать, шипеть, выть, выпорхнуть* и т.д. Кроме глаголов, зооморфный компонент в текстах разных жанров может создаваться словами и других частей речи (*медвежий, по-щенячьи* и др.) Заметим, что зооморфные компоненты, являясь атрибутами представителей животного мира, символизируют в то же время те или иные свойства человека.

В смеховых текстах черты характера и поступки человека изображаются посредством образов животных, наделённых типологическими характеристиками, приписанными им самим человеческим сознанием. В данной работе зооморфизмами называются употребляемые в русских баснях и эпиграммах лексические единицы, в прямом своём значении именующие животных, а в переносном – характеризующие человека по свойственному ему яркому отличительному признаку, сближающему его с национальным образом-представлением об этом животном. Изучение особенностей использования зооморфизмов в баснях и эпиграммах определённого периода даёт возможность лучше понять как культурно-историческую эволюцию зооморфных образов, так и специфику языковой картины мира конкретного периода.

Глава 2 «Зооморфные компоненты в русской басне XX века» посвящена анализу наиболее частотных зооморфных образов, обнаруженных в текстах русских басен XX века. В **параграфе 2.1 «Зооморфизмы, актуальные для русской басни XX века: репрезентанты и особенности**

функционирования» рассматриваются зооморфизмы, функционирующие в русских баснях XX века. Общее число наименований достигло 214 (млекопитающие – 94, птицы – 61, насекомые – 20, рыбы – 19, пресмыкающиеся – 7, земноводные – 3, прочие – 10). Всего в текстах басен исследуемого периода отмечено 1448 случаев функционирования зооморфной лексики. Определены прагматические механизмы русских басен XX века с зооморфными образами, выражающие авторское отношение к изображаемому: 1) развитие сюжета и в нём – зооморфного образа, посредством чего выражается отношение автора к персонажам, событиям и т.д.; 2) оппозиция образов, т.е. художественное противопоставление зооморфных образов по принципу антитезы; 3) мораль как жанрообразующая форма басенного текста специально предназначена для выражения прагматики автора, его интенции.

Басни писателей XX века содержат различные зооморфизмы, которые способствуют обличению общественных пороков современной авторам действительности, а также негативных свойств личности. Было выявлено 680 текстов басен XX века, в которых функционируют зооморфные образы. Наиболее частотными в рассмотренном материале оказались пять зооморфизмов: *собака* – 84, *волк* – 79, *медведь* – 58, *лиса* – 57, *заяц* – 45. В специальных параграфах (2.2, 2.3, 2.4, 2.5, 2.6) анализируется семантико-прагматическая структура данных зооморфных образов, расположенных в порядке убывания. Их разработку в тексте диссертации покажем на примере зооморфизма *собака*, который встречается и в баснях, и в эпиграммах исследуемого периода чаще всего.

В параграфе 2.2 «Зооморфный образ собаки» в первую очередь при анализе зооморфизма в нашем исследовании мы опираемся на данные, взятые из различных словарей (под ред. А.П. Евгеньевой, С.А. Кузнецова, Т.Ф. Ефремовой, Д.Н. Ушакова, Д.Б. Гудкова и др.), собирательный зооморфный образ характеризуется по материалам устойчивых народных сравнений, фразеологизмов, мифологии, сказок и половиц. При анализе исследованного материала становится очевидно, что зооморфизм *собака* является важным для национальной языковой картины мира концептуализированным образом, который обладает большим набором оценочных приращений. Покажем в таблице 1 все значения зооморфного образа *собаки*, выявленные при анализе указанных выше лексикографических источников.

Таблица 1. Характеристика зооморфного образа *собака*

Семантические компоненты (семы)	«Словарь русского языка» в 4-х томах (А.П. Евгеньева, 1988) [Т.4, с. 168]	«Большой толковый словарь русского языка (С.А. Кузнецов, 2000) [с. 1224]	«Новый словарь русского языка» (Т.Ф. Ефремова, 2001) [Т. 2, с. 648]	«Толковый словарь современного русского языка» (Д.Н. Ушаков, 2013) [с. 636]	«Лингвокультурологический словарь» (Д.Б. Гудков и др., 2004) [с. 152-155]
1. Домашнее животное.	+	+	+	+	+
2. Хищное млекопитающее.	-	+	-	+	-
3. мех, шкура животного.	-	-	+	-	-
4. О злом, жестоком, грубом человеке.	-	+	-	+	+
5. Употребляется как бранное слово.	+	-	+	+	-
6. Ловкий, знающий, с хорошим обонянием, чутьём и развитой интуицией человек.	-	+	-	-	+
7. При выражении одобрения, восхищения кем-либо.	+	+	-	-	-
8. Преданный, верный человек.	-	-	-	-	+
9. Человек с чрезмерной преданностью, граничащей с услужливостью, поклонением.	-	-	+	-	+
10. Покорный, готовый подчиняться человек.	-	-	-	-	+
11. Не сидящий на месте, занятый работой/делами человек.	-	-	-	-	+

Репрезентанты зооморфизма *собака*, встретившиеся в баснях XX века, мы разделили на четыре группы: 1) синонимичные наименования собаки (72), включающие как нейтральные, так и стилистически маркированные

единицы, дифференцированы по разным основаниям (количеству, возрасту, размеру, полу, особенностям поведения): *пёс/псы* – 43 (60%), *собака/собаки* – 10 (14%), *щенок* – 8 (11%), *шавка/шавочка* – 7 (10%), *собачка* – 1 (1,2%), *пёсик* – 1 (1,2%), *кобель* – 1 (1,2%), *псина* – 1 (1,2%); 2) наименования породы собак (20): *бульдог* – 4 (20%), *овчарка* – 3 (15%), *дворняга* – 3 (15%), *пудель* – 3 (15%), *болонка* – 2 (10%), *боксёр* – 1 (5%), *волкодав* – 1 (5%), *дог* – 1 (5%), *мопс* – 1 (5%), *сеттер* – 1 (5%); 3) имена собственные (клички собак) (39): *Полкан* – 8 (20%), *Барбос* – 7 (18%), *Бобик* – 5 (13%), *Жучка* – 5 (13%), *Моська* – 5 (13%), *Трезор* – 3 (8%), *Волчок* – 1 (2,5%), *Жучок* – 1 (2,5%), *Руслан* – 1 (2,5%), *Джек* – 1 (2,5%), *Шарик* – 1 (2,5%), *Дружок* – 1 (2,5%). Особый интерес в этой группе представляет кличка, отсылающая к прецедентному тексту – *Моська*; 4) слова с зооморфным семантическим компонентом (87), включающие глаголы, деепричастия, прилагательные, существительные, обозначающие действия, свойства, качества собаки: *лаять* – 13 (15%), *лай* – 5 (6%), *рычать* – 3 (3%), *собачий* – 3 (3%), *облаять* – 2 (2%), *залаять* – 2 (2%), *облаяв* – 2 (2%), *скулить/заскулить* – 2 (2%), *зарычать* – 1 (1%), *тявкнуть* – 1 (1%), *по-щенячьи* – 1 (1%), *дворовый* – 1 (1%), *сторожевой* – 1 (1%) и проч. К этой группе относятся обозначения частей тела собаки, её волосяного покрова и окраса: *шерсть* – 2 (2,3%), *собачья морда* – 2 (2,3%), *пасть* – 1 (1%), *лапа* – 1 (1%), *хвост* – 1 (1%), *шерсти клоч* – 1 (1%), *масть* – 1 (1%). А также слова, называющие жилище собаки и её атрибуты: *будка* – 3 (3,5%), *конура* – 1 (1%), *цепь* – 1 (1%), *поводок* – 1 (1%), *намордник* – 1 (1%), *ошейник* – 1 (1%). Особое место в этой группе занимают единичные звукоподражательные слова: *гав-гав* – 1 (1%), а также немногочисленные устойчивые словосочетания, фразеологизмы, сравнительные обороты: *вилять хвостом* – 4 (4,6%), *на задних лапках* – 2 (2,3%), *как кошка с собакой* – 1 (1%), *поджать хвост* – 1 (1%) и искажённая русская пословица *Чёрного Пса не отмыть добела* – 1 (1%). Встречаются, кроме того, наименования этого животного по выполняемой им роли, функции: *сторож* – 2 (2,3%), *ревизор* – 1 (1%). Процентное соотношение высчитывается от общего числа единиц каждой группы.

Рассматриваются семантические компоненты собирательного зооморфного образа *собака*, представленного различными репрезентантами в исследуемых басенных текстах:

1. Отрицательные характеристики – 72 контекста: **1) злость, свирепость, агрессивность, сварливость, подлость (явная и скрытая), драчливость** – 20 (28%): С.В. Михалков «Жучок и блоха» – «Стал грозно лаять, злиться, бросаться на людей»; Е.М. Афанасьев «Растущий Бобик» – «Вилял хвостом при всём народе, / Кусал – исподтишка» и т.д.;

2) высокомерие, тщеславие, надменность, хвастовство, наглость – 15 (21%): С.В. Михалков «Сомнительное бахвальство» – «Ты угонись за мной», «Я нынче семерых под утро принесла»; Е.М. Афанасьев «Самомнение» – «Лезет *Пудель* вон из кожи: / «Я не Лев, но... / Мы похожи» и др.;

3) угодничество, подхалимство, услужливость, лицемерие – 8 (11%): Е.И. Аникеев «Шавка» – «Лишь свистнешь ей, <...> она уж бежит, / *Виляет хвостом*, и от счастья визжит, / И пялит нахально бесстыдные глазки / В надежде сорвать угощение и ласки»; Е.М. Афанасьев «Жучкин талант» – «За себя *на задних лапах* может постоять»; С.В. Смирнов «Бобик-подлиза» – «стал превыше всех *собак*», «чихает, когда хозяин нюхает табак» и проч.;

4) наивность, доверчивость, неопытность, недалёковидность, глупость, невнимательность, рассеянность – 7 (10%): С.В. Михалков «Щенок и гадюка» – «к ней несмышлёный подбежал *Щенок*», «так глупенький малыш бесславной смертью пал» и др.;

5) трусость, предательство – 5 (7%): В.Ф. Матвеев «Современная Моська» – «*поджала хвост* и на Слона *не лает*», «её девиз – *кусать* исподтишка» и т.д.;

6) тунеядство, попрошайничество, лень – 3 (4,1%): С.В. Михалков «Петух-болтун» – «Вставайте, лодыри! Проснитесь, лежебоки! – Кричал Петух», «*Пёс* вздрагивал во сне и открывал глаза» и т.п.;

7) пустозвонство, клевета, ябедничество – 3 (4,1%): С.В. Смирнов «Породистый брехун» – «только *лает* и *лает* на ветер» и др.;

8) завистливость (связанная с лицемерием) – 3 (4,1%): С.В. Смирнов «Бродяга-Шавка» – «взяла труды старателя-Вола, / *Облаяла* / И – дрянью назвала», «Боюсь – его испортит... похвала» и проч.;

9) расчётливость, меркантильность, мелочность – 3 (4,1%): С.В. Смирнов «Джек и Жучка» – «лобызал ей трепетные ручки», «женился не на *Жучке*, / А на её удобной *конуре*» и т.д.;

10) общеотрицательная оценочность – 5 (7%): Д. Бедный «Макеев дар» – «Так вот ты, *пёс*, каков!» и др.

2. Положительные характеристики – 26 контекстов: **1) храбрость, самоотверженность, решительность, преданность** – 14 (54%): С.В. Михалков «Пастух и блоха» – «Бесстрашный *пёс* вступил с волками в драку / И, выполнив свой долг, в неравном пал бою...» и т.д.;

2) мудрость, сообразительность, благоразумие, опыт – 9 (34,5%): С.В. Михалков «Руслан и Трезор» – «Ты мог бы опытом с молодняком делиться», «поставил точку смелый *пёс Трезор*» и проч.;

3) доброта, дружелюбие, влюбчивость, восторженность – 3 (11,5%): Е.И. Аникеев «Болонка» – «жить в дружбе», «не *лаяться*, не *драться*» и т.п.

3. Нейтральные характеристики – 7 контекстов: Е.М. Афанасьев «Тень» – «На гитаре грохоча, / *Псов* сбивая с толку»; Е.И. Аникеев «Осёл и Волкодав» – «*Овчарка*-то уволилась в субботу» и др.

Этот зооморфный образ сохраняет в целом присущие ему в русской языковой картине мира и отражённые в словарях метафорические характеристики человека (чаще негативно-оценочные): "злое животное, способное лаять и кусать", "животное с патологической преданностью, граничащей с услужливостью" и т.д., но в то же время приобретает новые характеризующие семы: 'предательство', 'подлость', 'трусость', 'лицемерие', 'наивность', 'доверчивость', 'глупость', 'рассеянность' и др. – отрицательные; 'храбрость', 'решительность', 'мудрость', 'сообразительность', 'доброта' и т.п. – положительные). Это значит, что и в сознании отдельных авторов художественных сатирических текстов, и в коллективном языковом сознании образ собаки символизирует как злое, так и доброе начало в человеке.

В целом образы животных в баснях XX века чаще содержат отрицательную коннотацию (359 контекстов – 85%), реже – положительную (43 контекста – 10%), в остальных случаях – неопределённую оценку (20 контекстов – 5%). Проанализированные зооморфные образы совпадают с традиционными фольклорными образами (*волк* – кровожадный, *лиса* – хитрая, *заяц* – трусливый), однако в то же время обогащаются новыми смысловыми характеристиками, дополняющими каждый зооморфизм. Наибольшее число различных отрицательных характеристик обнаружено при семантическом анализе зооморфного образа *волка* (92 контекста), а положительных – в образе *собаки* (26 контекстов). Выявлены наиболее частотные характеристики басенных зооморфных образов: отрицательные – злость, подхалимство, глупость, хитрость, высокомерие, болезненность, трусость; положительные – мудрость, доброта.

Зооморфизмы в русских баснях XX века имеют богатое и разнообразное семантическое наполнение, авторы текстов дополняют образы новыми индивидуально-авторскими смыслами, что находит отражение в языковой картине мира, а именно в её смеховой составляющей.

Глава 3 «Зооморфные компоненты в русской эпиграмме XX века» посвящена анализу зооморфных компонентов в текстах другого жанра, также характерного для смехового дискурса исследуемого периода. По нашим наблюдениям, в текстах русской эпиграммы XX века, в отличие от басни данного периода, зооморфизмы значительно менее частотны, а зооморфные образы в них менее цельны, объёмны, «полнокровны», они нередко используются как карикатурное изобразительное средство для придания объекту изображения сходства с тем или иным животным. При этом признак сходства может быть в известной степени случайным, внешним – имя человека (Лев), заметная черта его внешности, особенности поведения.

В параграфе 3.1 «Зооморфизмы, актуальные для русской эпиграммы XX века: репрезентанты и особенности функционирования» рассматриваются зооморфизмы, функционирующие в русских эпиграммах XX века. Общее число наименований животных в текстах эпиграмм достигло 126 (млекопитающие – 57, птицы – 28, насекомые – 16, рыбы – 7, пресмыкающиеся – 6, земноводные – 1, прочие – 11). Всего в эпиграммах исследуемого периода отмечено 340 случаев функционирования зооморфной лексики. Выделены следующие механизмы прорисовки зооморфного образа: 1) наличие в тексте слов с зооморфным компонентом, которые помогают понять, о каких животных идёт речь: *шипеть* – змея; *лаять, скулить* – собака, *клевать, щебетать* – птица и т.д.; 2) фонетические приёмы представления зооморфного образа (звукопись, в частности, аллитерация – повторение согласных звуков): «Из букашек и лягушек, / *Мишек, мышек, мошек, мушек*» (В. Иванов на В. Бианки); 3) словообразовательные приёмы, такие, как аббревиация (*ОБЭРИУтёнок, ЛЕФ, ЖуРАПП*); 4) лексические приёмы выражения авторского отношения к объекту шаржирования (например, синонимическое варьирование наименования животного): *конь, лошадь, мерин*; 5) использование устойчивых словосочетаний с зооморфизмами: *делать из мухи слона, вилять хвостом, троянский конь*; 6) языковая игра с использованием личного имени адресата (омофония имени собственного и зоонима и т.д.), усиливающая смеховую прагматику текста: «В пушнине значит многое и *соболь*, / В поэзии не всякий *Соболь* – лев» (Г. Соловьёв на М. Соболева), «В прокуратуре осмелев, / Теперь в литературе *лев*» (М. Светлов на Л. Шейнина); в результате звукового сближения возможно рождение индивидуально-авторских паронимов и окказионализмов: «*Гля бумагу тлит. / Фля бумагу – флит*» (А. Флиту); каламбурное (по созвучию) обыгрывание фамилии объекта эпиграммы: «Наловили руки *Ватагина* – стаи птиц и зверей *ватаги нам*» (А. Раскин на В. Ватагина), «*макаки <...> самец Бетаки* (В. Бетаки); пародирование имени отчества человека посредством клички животного: «На *псарне* стал *Облай Облаич!*» (А. Куприн на А. Толстого); 7) созданию прагматической многоплановости образа способствует использование кличек животного, отсылающих к прецедентному тексту (*Бим, Муму, Баскервилей*): «Ему свою печаль поведал *Бим*» (В. Суслов на Г. Троепольского); «Она по уму – совсем как *Муму*» (С. Давыдов «Критикессе N»).

Всего в эпиграммах выявлено 330 текстов, в которых функционируют зооморфные образы. Наиболее частотными в рассмотренном материале оказались пять зооморфизмов: *собака* – 26, *конь/лошадь* – 21, *лев* – 13, *волк* – 11, *змея* – 11. В специальных параграфах (3.2, 3.3, 3.4, 3.5, 3.6),

расположенных в порядке убывания частотности зооморфизмов, анализируется семантико-прагматическая структура данных зооморфных образов. Их разработку в тексте диссертации покажем на примере зооморфизма *собака*.

В параграфе 3.2 «Зооморфный образ собаки» зооморфизм представлен в виде следующих репрезентантов, разделённых на четыре группы: 1) синонимичные наименования собаки (20), дифференцирующие именуемый объект по разным основаниям: количеству, размеру, полу, особенностям поведения: *собака/собаки* – 11 (55%), *пёс/псы* – 5 (25%), *пёсик* – 1 (5%), *шавка* – 1 (5%), *псина* – 1 (5%), *собачка* – 1 (5%); 2) наименования породы собак или указание на породу (6): *бульдог* – 2 (33,3%), *пудель* – 1 (16,6%), *фокстерьер* – 1 (16,6%), *шпиц* – 1 (16,6%), *охотничьей породы* – 1 (16,6%); 3) имена собственные (клички животного), отсылающие к прецедентному тексту (5): *Бим* – 1 (20%), *Муму* – 1 (20%), *Баскервилей* – 1 (20%); пародирующие имя-отчество человека: *Облай Облаич* – 1 (20%) либо документную сказку «У попа была *собака*» – 1 (20%); 4) слова с зооморфным семантическим компонентом (14) разнообразны по форме и включают существительные, глаголы, наречия и деепричастия, обозначающие действия, свойства, качества собаки: *лай* – 1 (7,1%), *лаять* – 1 (7,1%), *облаявшая* – 1 (7,1%), *долаялась* – 1 (7,1%), *по-собачьи* – 1 (7,1%) и др.; к этой же группе репрезентантов зооморфизма можно отнести наименования части тела собаки: *лапа* – 1 (7,1%), слова, характеризующие её отличительные качества/особенности: *густопсов* – 1 (7,1%), *чистопороден* – 1 (7,1%), а также слова, называющее место обитания собак: *псарня* – 1 (7,1%). Особое место в этой группе занимают устойчивые словосочетания и сравнительный оборот: *съел собаку* – 2 (14,2%), *вилять хвостом* – 1 (7,1%), *как бульдог* – 1 (7,1%). Было замечено, что в представлении зооморфного образа *собаки* некоторые репрезентанты совпадают в текстах басен и эпиграмм (см., например, породы собак, синонимы основного имени зооморфизма, клички собак, указания на прецедентные тексты).

При рассмотрении текстовых семантических составляющих зооморфизма *собака* были выделены следующие группы противоположных по оценочности характеристик:

1. Отрицательные характеристики – 16 контекстов: **1) пустозвонство, клевета** – 5 (31,2%): В.И. Гафт «Критику» – «Как столб относится к *собакам*, / Так отношусь я к критикам-писателям»; А.И. Куприн на А.Н. Толстого – «Он, стыд и честь свою презрев, / На *псарне* стал *Облай Облаич!*» и др.; **2) угодничество, лицемерие** – 2 (12,5%): В.И. Гафт на Е.А. Евтушенко – «Зачем, мальчишка-показушник, / Опять *виляешь* ты

хвостом?» и т.п.; **3) злость, грубость, агрессивность** – 2 (12,5%): Н.Н. Вентцель «Педагог» – «Жил некий педагог. / Не так был зол он, как *бульдог*»; П. Хлестков «Б.П.» – «Окружён и растерзан собственными *псами...*»; **4) тщеславие, высокомерие** – 1 (6,2%): С.В. Смирнов «Пудель» – «Ему шептали лстивые уста», «Ты *Пудель*, / А стрижёшься подо Льва»; **5) глупость, недальновидность** – 1 (6,2%): С.А. Швецов на Б.Л. Пастернака – «У попа была *собака*, / Обожала Пастернака... / Поп её любил. / Но однажды этот *пёс* / Том Дудинцева принёс... / Поп её убил!»; **6) навязчивость** – 1 (6,2%): С.Д. Давыдов «Критикессе N» – «И эдак меня, и так. / А за что – никак не пойму... / Вопит, мол, со мною замаялась! / Она по уму – совсем как *Муму*, / Которая все же *долаялась!*»; **7) наивность** – 1 (6,2%): А.Г. Архангельский на М.М. Пришвина – «Он, несмотря на бороду и годы, / Чистейшее дитя... *охотничьей породы*»; **8) общеотрицательные характеристики** – 3 (18,7%): М.А. Светлов «Автоэпиграмма» – «Человек с *лицом собаки* – / Что ты хочешь от меня?!» и проч.

2. Положительные характеристики – 3 контекста: **1) ум, сообразительность** – 1 (33,3%): В.И. Гафт «Трое в лодке» (Миронову, Державину, Ширвиндту) – «А зря *собачку* не считали, / Вам всем бы брать с неё пример», «рядом умный *фокстерьер*», «лишь *фокстерьеру* по зубам»; **2) чувство собственного достоинства** – 1 (33,3%): Ю.Н. Кушак «Друзьям о друзьях» – «И прежде, чем *лапу Бульдогу* пожать, / Узнайте – не будет ли Друг возражать...»; **3) верность** – 1 (33,3%): В.Н. Суслов на Г.Н. Троепольского – «Ему свою печаль поведал *Бим*. / С тех самых пор и нами он любим».

3. Нейтральные характеристики – 7 контекстов: Ф.Д. Кривин – «Ведь ты же имеешь такие рога, / Каких не имеют *собаки*»; Ю. Алешковский «Заеденный безденежьем, лежу в ночлежке» – «Столько б юаней Юз-Фу, / сколько блох на бездомной *собаке*» и др.

Отметим также, что зооморфизм *собака* и производные от него единицы реализуют в эпиграммах писателей разные прагматические функции:

1. Характеристика личностных и/или профессиональных качеств через отношение к животным (9): М.А. Дудин на Б.А. Кежуна – «*тявкнет шавкою* в сатире»; И.Р. Резник «Полиглотка» – «С любимым *псом* – по-человечьи, / С детьми и мужем – *по-собачьи*» и др.

2. Характеристика ситуации через привлечение прецедентной зооморфной аллюзии (7): В. Вишневский «Создателям детективов» – «Конан-Дойль на этом деле / *Съел собаку (Баскервилей)*» и проч.

3. Номинация объекта через зооморфный образ (6): Е.В. Воеводин – «Он *густопсов, чистопороден*, – / По всем статьям подходит к *псинам*» и т.п.

4. Характеристика человека при помощи приписанных ему физиологических особенностей животного (3): Ф.Д. Кривин «Дистрофики» – «Проворный *пёс*, а зайца не догнал» и т.д.

5. Характеристика объекта при помощи устойчивых словосочетаний с зооморфной номинацией (3): Я.А. Сашин на С.В. Михалкова – «Но басней не *«убил бобра»*, / Хотя на баснях *«съел собаку»*» и т.п.

6. Характеристика деятельности адресата, ассоциативно связанной с животными (2): В.И. Гафт на И.С. Саввину – «гуляли две *собаки*», «поменьше – *птицу*, побольше – *Ия*» и т.д.

7. Характеристика личностных и/или профессиональных качеств объекта через приписывание ему закреплённых в устойчивых сравнениях качеств животного (1): Н.Н. Вентцель «Педагог» – «Жил некий педагог. / Не так был зол он, как *бульдоз*».

8. Приписывание качеств/особенностей одного животного другому при общей антропоцентричности использования зооморфизма (1): С.В. Смирнов «Пудель» – «Ему шептали ластивые уста: – Вы – сущий Лев от гривы до хвоста!.. – / Лишь Лев сказал: – Послушай, голова, / Ты *Пудель*, / А стрижёшься подо Льва».

Зооморфный образ *собаки* в эпиграммах, так же как и в баснях, сохраняет значения, зафиксированные в словарных статьях, в основных своих характеристиках он также связан и с фольклорными образами, но в то же время обретает новые контекстуально обусловленные черты, чаще оценочно отрицательные: пустозвонство, угодничество, лицемерие, тщеславие, навязчивость, глупость и некоторые др., реже положительные: ум, сообразительность, чувство собственного достоинства и т.д. Следует отметить, что такие семантические признаки, как навязчивость и чувство собственного достоинства, не встречались в баснях XX века.

Зооморфизмы в эпиграммах служат для характеристики личностных качеств адресата или определённых событий его жизни. Авторы такого вида смехового текста, используя зооморфизмы как средство характеристики персонажа, обыгрывают их устоявшиеся в языковой картине мира значения, дополняя при этом образы новыми контекстуальными смыслами, обогащающими социальные и индивидуально-личностные свойства зооморфных единиц.

Зооморфные образы в эпиграммах чаще содержат отрицательную коннотацию (54 контекста – 63%), реже положительную (20 контекстов – 23%) и неопределённую оценку (12 контекстов – 14%). Наибольшее число отрицательных характеристик воплощают следующие зооморфные образы: *собака* – 16 контекстов, *конь/лошадь* – 12 контекстов, а положительных – зооморфизм *лев* – 9 контекстов. Среди наиболее частотных характеризующих компонентов семантики зооморфных образов в эпиграммах выделяется целый ряд отрицательных – злость, подлость, угодничество, хищность, слабость, опасность; и лишь один положительный – сила.

В **Заключении** обобщены результаты диссертационного исследования, представлены выводы, намечены возможные перспективы дальнейшего изучения зооморфных образов в смеховых текстах XX века или иного периода.

Проведённое исследование зооморфных образов, представленных в баснях и эпиграммах XX века, позволило установить актуальный состав зооморфизмов, наиболее активных в сатирических текстах этих жанров, рассмотреть их контекстную семантику на фоне общезыкового значения слов-зоонимов и представления об образах этих животных в национальной культуре, показать роль басенных и эпиграммных зооморфизмов в передаче авторского отношения к объекту изображения, обнаружить новые смысловые приращения зооморфизмов, дополняющие их национально-культурную семантику.

Основные положения исследования нашли отражение в следующих публикациях автора.

Научные статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ:

1. Зубченко В.В. Советские басни как разновидность сатирического дискурса: зооморфные компоненты // Казанская наука. – Казань: Изд-во Рашин Сайнс, 2020. №11. – С. 56-61.

2. Зубченко В.В. Зооморфные компоненты в текстах басен и эпиграмм советского сатирика А.Б. Раскина // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2020, № 12/3. – С. 99-103.

3. Зубченко В.В., Исаева Л.А. Функциональные возможности зооморфизмов в сатирических текстах А.Г. Архангельского // Казанская наука. – Казань: Изд-во Рашин Сайнс, 2021. №3. – С. 34-37.

4. Зубченко В.В. Национально-культурные и индивидуально-авторские компоненты семантики зооморфного образа «Волк» в баснях Демьяна Бедного и Ивана Батрака // Вестник Российского нового

университета. Серия: Человек в современном мире. – Москва, 2021, №2. – С. 96-106.

Статья, опубликованная в научном журнале, входящем в Web of Science:

5. Lekareva O.V., Zubchenko V.V., Kholodnyak G.V. Names of Characters Associated with Russian Cultural Identity // Proceedings of the International Conference "Topical Problems of Philology and Didactics: Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences". – Advances in Social Science, Education and Humanities Research, Atlantis Press, 2019. – P. 242-246.

Публикации в изданиях, входящих в базу РИНЦ:

6. Зубченко В.В. Лингвотенденции русской эпиграммы в советскую эпоху // Проблемы филологии, культурологии и искусствоведения в свете современных исследований: материалы XIV Междунар. науч.-практ. конф. – Махачкала: Апробация, 2015. – С. 70-71.

7. Зубченко В.В. Жанрово-стилистические изменения русской эпиграммы в советскую эпоху // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире: материалы XII Междунар. науч.-практ. конф. Т. 3. – Санкт-Петербург: Стратегия будущего, 2015. – С. 163-166.

8. Зубченко В.В. Жанрово-стилистические особенности русской эпиграммы советской эпохи // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики: II Всерос. науч.-практ. конф. – Краснодар: КВВАУЛ, 2016. – С. 58-66.

9. Зубченко В.В. Эпиграммы комплиментарного характера в советскую эпоху // Актуальные вопросы филологических исследований: III Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 195-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского. – Краснодар: КубГТУ, 2016. – С. 104-109.

10. Зубченко В.В. Эпиграммы нецензурного характера в советскую эпоху // Высокие интеллектуальные технологии в науке и образовании: I Междунар. науч.-практ. конф. Т. 2. – Санкт-Петербург: Стратегия будущего, 2017. – С. 67-69.

11. Зубченко В.В. Русские эпиграммы с негативной оценочной экспрессией в постсоветское время // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики: III Всерос. науч.-практ. конф. – Краснодар: КВВАУЛ, 2017. – С. 88-95.

12. Зубченко В.В. Языковой анализ эпиграмм советского и постсоветского периода // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики: IV Всерос. науч.-практ. конф. – Краснодар: КВВАУЛ, 2018. – С. 82-88.

13. Зубченко В.В. Изменения оценочной экспрессии в эпиграммах советской эпохи // Сфера знаний: процессы развития современной научной мысли: XIV Междунар. науч.-практич. конф.-конкурс «Интеграционные процессы современной научной мысли». – Казань: Общество Науки и Творчества, 2018. – С. 69-72.

14. Зубченко В.В. Экспрессивная тональность русской эпиграммы XX века // Вестник современных исследований: Междунар. науч.-практич. конф. «Вопросы современных научных исследований». Вып. 10. – Омск, 2018. – С. 39-40.

15. Зубченко В.В. Особенности советского сатирического дискурса (на примере басен и эпиграмм 20-30-ых годов XX века) // Сфера знаний: процессы развития современной научной мысли: XVI Междунар. науч.-практич. конф.-конкурс «Интеграционные процессы современной научной мысли». – Казань: Общество Науки и Творчества, 2019. – С. 10-13.

16. Зубченко В.В. Зооморфный образ «собака» в баснях и эпиграммах XX века // Материалы VIII Всероссийской научной конференции «Континуальность и дискретность в языке и речи». – Краснодар: КубГУ, 2021. – С. 46-51.

Другие публикации:

17. Zubchenko V.V. Linguistic overview of Russian epigrams of XIX-XX centuries // XVI International scientific-practical conference "The Strategies of Modern "Science Development" in the section "Philology". – North Charleston, SC, USA, 2018. – P. 46-50.